

Сам Леонардо причисляется к гомосексуалистам-женоненавистникам, и, действительно, насколько нам известно, наружно он не высказывал любви к женщинам. Его мать, таинственная Катерина, по всей видимости, бросила его на произвол судьбы во младенчестве, хотя впоследствии доживала свой век вместе с ним в течение многих лет — точно известно, что у Леонардо была домоправительница, которую он любовно называл «моя Катерина» и похороны которой он оплатил. Возможно, он и был гомосексуалистом, но это никогда не было препятствием для поклонения Женскому Началу, зачастую прямо наоборот — способствовало. Кроме того, известно, что Леонардо был близок к Изабелле де Эсте, женщине умной и образованной. Хотя предположение о ее принадлежности к Братству Сиона или иному феминистскому «подпольному» учению было бы слишком смелым, данный факт по меньшей мере свидетельствует о том, что Леонардо одобрял женскую грамотность.

Флорентийский герметик Пико дела Мирандоло потратил много слов на тему власти женщин. В его книге *La Strega* (Ведьма) рассказывается об итальянском культе, основанном на сексуальных оргиях, где председательствовала богиня. Интереснее всего то, что он приравнивал богиню к «Матери Бога»⁴⁰.

Даже явный сторонник власти мужчин Джордано Бруно был тесно связан с Женским Началом. Во время своего пребывания в Англии в 1583—1585 гг. он опубликовал несколько принципиально важных работ, раскрывающих философию герметиков: выдержки из них можно найти во многих антологиях исторических текстов. Однако обычно игнорируется тот факт, что он опубликовал также том страстных любовных стихов под названием *De gli eroitci furori* (О героической безумной страсти), которая была посвящена его другу и покровителю сэру Филиппу Сиднею. Книга представляла собой гимн проходящей безумной страсти или даже взгляд в неизвестную тайную жизнь распутника. Хотя признано, что в этих стихах есть и другой, более глубокий смысл, большинство авторитетных ученых полагают, что содержание книги является аллегорическим изложением опыта герметика. На самом деле, любовь, показанная в этих стихах, вовсе не аллегорическая, но буквальная.

Термин *<furori>*, использованный в названии, представляет собой, по словам Френсис Йейтс, «выражение опыта, который делает душу «божественной и героической» и может быть уподоблен трансу *furor* (экстазу) страстной любви»⁴¹. Другими словами, то, что мы у него читаем, снова предстает как знание преображающей человека силы секса.

В этих стихах Бруно говорит об альтернативном состоянии сознания, через которое герметик реализует свою потенциальную божественность. Это выражено через экстаз полного единения со своей *другой половиной*. Френсис Йейтс пишет: «...я думаю, религиозный опыт *Eroitci furori* в реальности нацелен на гностические знания: это мистическая любовная поэзия человека-мага, который создал божественное, имеет дело с божественной силой и снова находится в процессе обретения божественности, с божественной силой»⁴².

При взгляде на учение, которому следовал Бруно, становится ясно, что подобные чувства не были просто метафорой. Этот процесс озарения через секс был сердцем философии и практики герметизма. Концепция священной сексуальности полностью соответствует словам самого Гермеса Трисмегиста из *Corpus Hermeticum*. «Если, мое дитя, ты, ненавидишь свое тело, ты не можешь любить себя»⁴³. Такие герметики, как Марсилио Фичино, говорили о четырех типах альтернативных состояний, в которых душа воссоединяется с Божественным, каждое из этих состояний связано с одним из мифологических героев: поэтическое вдохновение — с Музой, религиозное рвение — с Дионисом, пророческий транс — с Аполлоном и все формы глубокой любви — с Венерой.